

В.Н. Адаев

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: whitebird4@yandex.ru

ДЫМ НАД ТАЙГОЙ И ТУНДРОЙ: ОГОНЬ В КУЛЬТУРЕ СЕВЕРНЫХ НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ КАК СРЕДСТВО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ

Представлена практика использования огня северными охотничье-рыболовецкими и оленеводческими народами в качестве потенциального фактора воздействия на окружающие ландшафты. Проблема рассмотрена с позиции практической значимости для направлений этнической экологии и этноархеологии. Выявлено несколько ареалов Западной Сибири, где у народов Севера получило распространение или предположительно могло осуществляться намеренное выжигание местности с целью получения большей экономической выгоды от своих угодий. Выделены этнические группы, более свободно обращающиеся с огнем (эвенки), и те, чьи действия в данной сфере довольно жестко регламентированы традиционными правилами и верованиями (обские угры, селькупы).

Ключевые слова: этнография Сибири, преобразованные ландшафты, этническое землепользование, этническая экология, этноархеология, традиционные знания.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-41-2-138-147

Работа выполнена по госзаданию согласно Плану НИР ТюмНЦ СО РАН на 2018–2020 гг., протокол № 2 от 08.12.2017 г. Приоритетное направление XII.186.; Программа XII.186.4; проект № 0371-2018-0033.

Тема искусственного преобразования природной среды как специфического явления в культуре северных сибирских народов стала одной из наиболее дискуссионных на секции «Экологическая этика и этнический опыт освоения северных ландшафтов» недавнего XII Конгресса антропологов и этнологов России. Два прозвучавших на секции доклада (А.А. Рудя и автора данной статьи), дополняющие друг друга по содержанию, вошли в настоящий номер «Вестника». Общая для них проблема — применение огня как инструмента воздействия на среду обитания в практике природопользования у северных народов Западной Сибири.

Подчеркну, что озвученная тема рассматривается мной с позиции практической значимости для двух научных направлений — этнической экологии и этноархеологии. В обоих случаях на первый план выходят одни и те же параметры: оценка возможностей не практикующих земледелие доиндустриальных сообществ вносить в окружающую среду долговременные изменения, а также стоящие за этим способы, мотивы и регуляторы человеческой деятельности. При этом следует учитывать, что результативное воздействие на среду обитания могло быть достигнуто как в ходе намеренного применения огня, так и в итоге участвовавших случайных возгораний, возникающих по неосторожности.

Цель настоящей работы — представить практику использования огня у северных народов Западной Сибири (хантов, манси, ненцев, селькупов и эвенков) как потенциальный фактор воздействия на окружающие ландшафты. Исследование базируется на системном подходе и использовании сравнительно-этнографического метода.

История изучения проблемы.

Учитывая недостаточную разработанность темы в отечественной науке, приведу ее краткую историографию. В целом огонь является самым доступным человеку и одновременно мощнейшим ландшафтно-преобразующим фактором. Не удивительно, что он оказался одним из первых, на который обратили внимание исследователи, занимавшиеся анализом систем природопользования древних и традиционных обществ. Самые ранние этнографические работы, посвященные непосредственному описанию устоявшейся практики пускания палов для хозяйственных целей в обществах охотников-собирателей, появились в 1950–1960-е гг. [Jones, 1969;

Stewart, 1956; Tindale, 1959; и др.]. Тема была представлена в основном на материалах этнографии народов Северной Америки, Австралии и Океании.

Однако поворотным шагом в развитии проблематики стало открытие, что в ходе такой деятельности охотники-собиратели не просто получали какие-то экономические выгоды, но и создавали принципиально новые ландшафты. Среди первых специалистов, указавших на этот факт, был американский географ К. Соер, который писал, что решающую роль в формировании современных североамериканских лесных и прерийных ландшафтов сыграла давняя практика выжигания территории, принятая у местных индейских племен [Sauer, 1971, p. 57–58, 283].

В широкой перспективе этот вывод послужил отправной точкой для все более смелых археологических исследований в весьма обширном диапазоне древних эпох — от верхнего палеолита до позднего средневековья [Anderson, 1994; Caseldine, Hatton, 1993; Daniau et al., 2010; Mellars, 1976; и др.]. Практически все указанные исследования, предполагавшие намеренное применение древним человеком огня для воздействия на ландшафт, основывались на нескольких общих аргументах: а) наличие этнографических аналогий; б) зафиксированный археологическими и палинологическими данными факт многократных древних пожаров и последующей смены форм растительности; в) подтвержденная информация, что древнее население успешно пользовалось полученными выгодами. Очевидно, что перечисленные аргументы не были исчерпывающими, поэтому во всех случаях главный вывод являлся не более чем гипотезой. Как пишут авторы одной из подобных публикаций, доказать какое-либо участие человека в возникновении древних пожаров пока невозможно, поэтому необходимо продолжать выявление и тщательное изучение таких древних территорий, чтобы версия об их намеренном выжигании стала более аргументированной [Innes et al., 2010, p. 449–450].

Однако есть примеры менее осторожных позиций по вопросу древних антропогенных ландшафтов со стороны авторов археологических и географических исследований. В частности, швейцарский специалист К.А. Кулл высказал мнение об историческом использовании человеком огня для изменения окружающей среды как обычной практике, главным ограничителем которой были физические свойства ландшафтов: «Если земля могла гореть, *Homo sapiens* поджигал ее» [Kull, 2016, p. 424]. Как будет представлено далее, такой подход является ошибочным, так как не учитывает роль культурного фактора, способного выступать серьезным регулятором для ландшафтопреобразующей деятельности человека.

Что касается развития этнографических исследований по рассматриваемой тематике, то продолжительное время оно осуществлялось в основном на базе изначально изучавшихся континентов, где хозяйственно-прикладное использование огня коренным населением носило особенно масштабный и ярко выраженный характер. Достаточно сказать, что распространение практики выжигания кустарников аборигенами было выявлено практически на всем пространстве австралийского континента [Jones, 1969, p. 225], а у отдельных племен североамериканских индейцев удалось зафиксировать несколько десятков оснований, по которым регулярное пускание палов приносило им хозяйственную выгоду [Lewis, 1993, p. 8–22].

В 1990–2010-е гг. получают большее распространение аналогичные исследования и относительно других континентов — Южной Америки, Африки, Евразии (см., напр., обзор: [Рупе, 2012]) (напомню, что в центре нашего внимания находятся неземледельческие этнические общности). При этом северная часть Евразии и в наше время остается одним из наименее изученных ареалов. Пока имеются лишь единичные работы на материалах Скандинавии [Granström, Niklasson, 2008] и Восточной Сибири, которые касаются прежде всего эвенков¹ ([Брандишаускас, 2016, с. 113–128]; те же материалы, но в более сжатой версии: [Brandišauskas, 2007, p. 106–108]; краткая подборка информации: [Рупе, 1949, p. 299–300]).

Между тем Западная Сибирь представляет в этом отношении большой научный интерес не только в силу своей наименьшей изученности, но и по причине выраженного своеобразия — на ее территории среди северных народов можно наблюдать два диаметрально противоположных подхода к освоению природной среды. Первый из них подразумевает возможность сознательного масштабного изменения ландшафтных условий, тогда как в рамках второго подобная деятельность предстает недопустимой в силу ограничительных установок мировоззренческого характера.

¹ Фрагментарная информация позволяет говорить, что выжиганием угодий занимались и некоторые соседи эвенков на Дальнем Востоке и Восточной Сибири — удэгейцы [Рупе, 1949, p. 300] и якуты [Тураев, 2009, с. 91].

Наличие столь ярко выраженных культурных расхождений, на мой взгляд, открывает в особенности хорошие перспективы для этноэкологических и этноархеологических исследований. До настоящего момента подобного сопоставления в пределах одной территории и в кругу сходных по своему хозяйственному комплексу этнических коллективов целенаправленно не проводилось. В поле зрения исследователей попадали либо регионы, где практика выжигания местности была общераспространенной, либо ареалы, где носителями разных подходов в использовании огня были представители принципиально различающихся хозяйственных комплексов: например, кочевые оленеводы-промысловики и оседлые земледельцы, практиковавшие стойловое скотоводство (см: [Granström, Niklasson, 2008, p. 2356]).

Ареалы активного применения огня в Западной Сибири

В пределах Западной Сибири у народов Севера можно выделить несколько территорий, где получило распространение или предположительно могло осуществляться намеренное выжигание местности.

Прежде всего это бассейн р. Конды с проживавшими там коллективами хантов и манси. Здесь в XIX–XX вв. практиковалось весеннее коллективное пускание палов на окрестных болотных и лесных угодьях. Делалось это с целью повышения урожайности брусники, имевшей большое товарное значение для местных жителей, и привлечения к горельникам промысловых копытных — лося и оленя. Кроме того, территория, регулярно обрабатывавшаяся огнем, становилась более доступной для передвижения.

Самое раннее и обстоятельное описание этой практики принадлежит статистику С.К. Патканову. Автор в 1890-е гг. сообщает, что выжигание производилось в границах Кондинской и Мало-Кондинской волостей, в первой брусничники подвергали обработке каждые 7–8 лет, во второй — с периодичностью в 10–15 лет. Пал обычно пускали весной, вскоре после схода талой воды. Риск возникновения пожаров уменьшался и тем, что главными объектами выжигания были островки брусничных боров, находившиеся посреди низменных мест и болот. Кроме того, с каждым последующим палом количество пожароопасного «хлама» в борах становилось все меньше. Первый значительный урожай обработанные брусничники приносили на третий год, с четвертого по шестой год он держался на максимуме, после чего объемы ягод начинали падать. С.К. Патканов также указывает, что на чистых, выжигаемых ягодниках было гораздо удобнее заниматься сбором, так как огонь уничтожал не только валежник, но и весь мелкий подрост кустарников и деревьев [2003, с. 37, 133–134].

Традицию «кондинских инородцев» выжигать боровые острова с брусничниками в начале XX в. зафиксировал и известный Тобольский специалист по лесному хозяйству А.А. Дунин-Горкавич [1910, с. 320], но его краткая информация лишь дублирует сведения С.К. Патканова. Во многом сходные данные удалось получить и в результате современных полевых исследований в низовьях р. Конды. Из воспоминаний местных жителей: *«Жгли в старом бору весной, пока еще снег оставался на окраинах. Потом в тех местах брусника лучше росла, и лось водился»*. *«В Болчарах ханты где-то до 50-х годов жгли брусничник. Всей деревней ходили. Где сожгут — года через три урожай хороший будет»* [ПМА, Кондинский р-н ХМАО, 2003].

Для понимания природы происхождения описываемого явления крайне важно замечание С.К. Патканова, что практика пускания палов у кондинских остяков и вогулов появилась лишь около 20–30 лет назад (т.е. в 1860–1870-е гг.), когда спрос на бруснику усилился. При этом тот же автор пишет, что южнее, на соседних с Кондой территориях, сибирские татары и русские крестьяне тоже широко применяли периодическое выжигание местности, но уже в основном для очистки покосов [Патканов, 2003, с. 37, 135].

Логично предположить, что новые формы применения огня были заимствованы кондинскими хантами и манси от ближайших соседей. Я уже высказывал версию [Адаев, 2015, с. 60–61], что есть весомые основания видеть здесь последствия культурных контактов именно с сибирско-татарским населением, от которого кондинцами скорее всего была воспринята и другая ландшафтопреобразующая практика — гидротехнические работы (копание каналов, изменение русла рек и др.). Оба заимствования были непосредственно связаны с переходом местных хантов и манси к товарным формам хозяйства и их стремлением получить более весомую экономическую выгоду от своих угодий. Причем это было не просто восприятие новых форм природопользования, но и принципиальная смена традиционной парадигмы экологических отношений: масштабное и намеренное изменение среды обитания входило в противоречие с мировоззренческими уста-

новками коренных жителей Западной Сибири. Показательно, что севернее обозначенного региона подобные формы прямого воздействия на ландшафт уже не встречались ни у обско-угорских, ни у самодийских групп. Более того, согласно их традиционным представлениям, такая деятельность воспринималась как предосудительная, а иногда и как потенциально опасная, так как грозила наказанием со стороны сверхъестественных сил (см.: [Там же, с. 59–60]).

Однако вполне возможно, что практика пускания палов несколько выходила за пределы кондинского ареала, воспринятая наиболее близкими контактными группами. Имеется единичное, но весьма знаковое сообщение 1920-х гг., которое касается ближайших северных соседей кондинцев — тапсуйских манси, промышлявших все в том же кондинском бассейне. Охотовед С.А. Куклин писал, что они «*производят систематическое выжигание лесов по правым притокам р. Конды выше р. Еса с целью привлечения на возобновляющиеся листовенным молодняком гари лесов и диких оленей. Этим выжиганием объясняется местный характер лесов*» [1927, с. 24].

Подводя итог, нужно сказать, что бассейн Конды как территория самого активного и широкого применения огня с целью воздействия на ландшафт у северных народов Западной Сибири открывает широкие перспективы для специального междисциплинарного исследования, в котором могли бы быть эффективно объединены усилия этнографов, археологов, палинологов и биологов.

Два других ареала Западной Сибири, где, вполне вероятно, тоже могло практиковаться намеренное выжигание территории, связаны с эвенкийским населением. Это верховья р. Таз (Красноселькупский р-н ЯНАО) и междуречье иртышских притоков, Демьянки и Туртаса, куда в XIX в. мигрировали небольшие коллективы эвенков-оленоводов, живших ранее на территории современного Красноярского края². Эвенки предпочитали для своих кочевий водораздельные болота, малопривлекательные для других групп северных народов Западной Сибири, поэтому они достаточно легко вкраплялись, казалось бы, в давно обитаемые регионы.

Прямых свидетельств того, что эвенки в указанных ареалах действительно производили намеренное выжигание местности, на сегодняшний момент нет, но косвенные факты указывают на вероятность такой практики: 1) этнографические данные подтверждают, что эвенки-оленоводы на обширной территории Сибири активно и широко практиковали систематическое выжигание своих угодий с целью улучшения травяной кормовой базы оленей, расчистки местности для более удобного выпаса, привлечения промысловых видов копытных и снижения опасности возникновения случайных крупных пожаров (см.: [Брандишаускас, 2016, с. 125–127; Руне, 1949, р. 299–300]); 2) сочетавшееся с этим весьма свободное обращение с огнем фиксируется у эвенков-оленоводо-практически повсеместно, в том числе и на территории изначального проживания мигрантов, поселившихся на рр. Таз, Демьянка и Туртас, причем во многих местах, включая перечисленные, это становилось поводом видеть в эвенках главных виновников случившихся таежных пожаров (см. следующий раздел); 3) упомянутое нахождение на водораздельных болотах, с одной стороны, вполне отвечало необходимым условиям для безопасного устройства палов, с другой — позволяло эвенкам проживать достаточно изолированно, не привлекая лишнего внимания соседей к столь недопустимым и опасным с точки зрения последних форм обращения с огнем.

Как бы то ни было, в настоящее время в обоих указанных ареалах эвенкийские коллективы либо прекратили существование в качестве самостоятельной этнической группы, смешавшись с местными жителями, либо перестали заниматься оленеводством, сблизившись по хозяйственному комплексу с соседним коренным населением. Поэтому весьма вероятно, что вопрос о былом практиковании ими выжигания местности так и останется открытым. Тем не менее хотелось бы акцентировать внимание на двух несомненных фактах, касающихся эвенков и их традиций обращения с огнем.

Во-первых, пример эвенков демонстрирует, что для северных таежных оленеводов обработка пастбищ огнем в определенных условиях вполне допустима и несет очевидные прямые выгоды. Обратная версия была изложена шведскими биологами А. Гранстремом и М. Никлассоном на материалах этнографии саамов. Основной вывод исследователей заключался в том, что их местные оленеводы вообще были чужды подобным формам деятельности, так как они ставили под большую угрозу лишайниковые пастбища, являвшиеся основой питания домашних оленей [Granström, Niklasson, 2008, р. 2356].

Во-вторых, пример эвенков доказывает, что распространение практики применения огня для воздействия на ландшафты среди коренных народов сибирского Севера может быть обу-

² Туголуков предполагает, что более мелкие коллективы эвенков проникали на те же территории и в верховья р. Вах не позднее XVII в. [1985, с. 240–245].

словлено не только культурным влиянием населения, связанного с земледелием или стойловым скотоводством. В пределах Западной Сибири эвенки в любом случае предстают чрезвычайно специфической этнической группой, несущей нетипичные для местных северных народов формы обращения с огнем, что подразумевает гораздо более широкие границы допустимого традицией сознательного воздействия на природную среду.

Пожаробезопасность: правила и традиции обращения с огнем.

Как было отмечено выше, наряду с сознательным применением огня человеком для воздействия на природную среду всегда существовал фактор случайных возгораний, приводивших к пожарам. И здесь существенное значение приобретали закрепленные традициями правила обращения с огнем, снижавшие или повышавшие подобные риски. Приведенные далее материалы показывают значительные различия в этом между северными этническими коллективами.

Наиболее выраженное внимательное и осторожное обращение с огнем демонстрируют таежные коллективы хантов, манси и селькупов. Их хозяйственные угодья достаточно ограничены и нередко используются из поколения в поколение. Поэтому хозяева дорожат своими наиболее ценными природными ресурсами и хорошо понимают опасность пожаров. По рассказам таежников, на выгоревшем месте ягель начинает возобновляться через 15 лет, а окончательное восстановление пастбища происходит лишь спустя 25–30 лет. Верховой пожар не только целиком уничтожает некогда богатые промысловые угодья, но и может на 5–10 лет сделать обширную территорию непроходимой для человека, не говоря о большой опасности для жизни людей, их домашних животных и имущества.

Наглядной иллюстрацией разрушительных последствий таежного пожара может служить случай, произошедший летом 1911 г. в верховьях р. Демьянки. Благодаря рачительности сургутского уездного исправника Г.А. Пирожникова, который постарался компенсировать потери своих подопечных остяков, мы располагаем нужной информацией. Пожар уничтожил ценнейшие зимние промысловые угодья юганских хантов восьми поселений (около 25 семей), погубив к тому же имущество на сумму до 3000 руб. Сгорели бревенчатые избышки и лабазы, где хранились продукты питания, медные котлы, чайники, зимняя одежда, охотничьи принадлежности, включая ружья и ловушки-черканы в количестве до 1000 шт. Чиновник привел расчетную стоимость предметов хантыйского имущества, по которой оценивалась сумма потерь: юрта — 20 руб., суконный зипун — 15 руб., лыжи-подволоки — 10 руб., котел — 10 руб., ружье — 7 руб., женский зипун — 6 руб., оленья постель — 5 руб., пимы — 3 руб., черкан — 40 коп. и др. Потери отдельных домохозяйств разнились от нескольких сотен до нескольких десятков рублей. При стоимости беличьей шкурки (основного объекта промысла и продажи юганцев) в 1–15 коп. понесенный убыток был весьма значителен [ГБУТО «ГА в Тобольске», ф. 152, оп. 40, д. 332, л. 1–14 об.; Пирожников, 2002, с. 100].

В качестве примера правил обращения с огнем приведу традиции северных и восточных хантов, зафиксированные в ходе полевых исследований 2001–2014 гг. Для обеспечения безопасности большое внимание уделяется обустройству костров, летних кухонь, дымокуров, выбору мест для курения и складированию пожароопасного мусора. Так, для летнего костра стараются найти сухое песчаное место вдали от зарослей багульника, ягельников, крупных деревьев. Когда есть возможность, в грунте выкапывается и обустроивается специальное кострище (вост.-хант. *рат хар*), внутренние стенки которого обкладываются песком. Копая под очаг яму, старательно избегают крупных древесных корней, особенно хвойных, в которых огонь «может спрятаться» — т.е. остаться тлеющим после ухода людей. С особой осторожностью относятся к оставлению походного очага. Локальные традиции здесь несколько различаются, для некоторых территориальных групп характерен запрет на прямое тушение костра: дождавись прогорания основной части дров, остатки углей разгребают в разные стороны, а почву по периметру очага основательно проливают водой, чтобы избежать возможного возгорания дерна. Устройство дымокуров и курение допускаются только на безопасной территории — утоптаных, песчаных или сырых местах. Пожароопасный мусор складывают в сырых тенистых местах, при этом особое внимание обращают на предметы из прозрачного стекла из опасения, что в солнечную погоду они могут стать причиной возгорания.

Крайне настороженно и критически таежники относятся к небрежному обращению с огнем со стороны некоренного населения, что часто является обоснованным. Например, неоднократно приходилось слышать, как возмущала хантов привычка некоторых пилотов выбрасывать непогасшие окурки в иллюминатор вертолета. Показательно, что пожары, случающиеся таки время от времени

Дым над тайгой и тундрой: огонь в культуре северных народов Западной Сибири...

из-за невнимательности соплеменников (мне известны, в частности, несколько случаев возгорания из-за разрушения старого чувала, оставленной без присмотра печи или разведенного не в самом безопасном месте оленьего дымокура), ханты на удивление воспринимают обычно относительно спокойно и нередко склонны выдвигать в качестве истинной причины произошедшего версии мистического характера. Та же сверхъестественная природа часто видится ими и в пожарах, происходящих от удара молнии или трения ветвей деревьев в сухую ветреную погоду: «дикий огонь» может наказывать провинившихся в чем-либо людей. В научных публикациях также упоминаются отдельные случаи, когда коренные таежники подозревались в качестве невольных виновников крупных лесных пожаров, в частности туртаские ханты в 1890-е гг. [Иллинич, 1901, с. 43].

В сравнении с таежниками тундровые ненцы заметно меньше обеспокоены пожарной безопасностью, что обусловлено местными природными особенностями (значительная увлажненность большей части территории), обширностью угодий и высокой мобильностью населения. Ненецкие правила обращения с огнем в своей практической части в основном касаются тушения остатков костра. Обычно непогасшие угли очага или перевозимой печки заливаются оставшейся в чайнике водой, иногда печные угли просто высыпаются в сырое место. Примечательно, что ненцы нередко сопровождают действие ритуальной фразой, адресуемой огню, в которой процесс заливания приписывается дождю, а не человеку. Старое ненецкое поверье говорит, что в противном случае огонь может оскорбиться и в будущем обидчик однажды просто не сможет его развести. Рассказы, что неосторожность кого-то из ненцев-соседей изредка приводила к возгоранию тундры, довольно обычны, но серьезными разрушительными последствиями это, как правило, не заканчивалось [ПМА, Приуральский р-н ЯНАО, 2016]. Еще более очевидные примеры наблюдались в прошлом. Зоолог Б.Н. Городков в 1920-е гг. писал, что к востоку от Оби тундры отличаются большей сухостью, поэтому больше подвержены пожарам. Исследователь неоднократно отмечал горелые тундровые и болотные участки близ р. Пур, появляющиеся из-за обыкновения местных ненцев поджигать сухой лишайниковый покров для спасения оленей от комаров. Сходная картина встречающихся пожарщиц была и в верховьях реки, где с той же целью лесные ненцы зажигали пожароопасные дымокуры на водораздельных лишайниковых торфяниках [Городков, 1926, с. 11].

Еще более явные опасные вольности в обращении с огнем отмечаются в многочисленных известиях об эвенках. Сообщения довольно сходны между собой, хотя относятся к разным территориям Сибири и Дальнего Востока. Наиболее раннее сообщение принадлежит участнику Второй Камчатской экспедиции профессору И.Г. Гмелину, рассказывающему о способе, каким эвенки имели обыкновение отгонять от себя гнус. Наблюдение сделано в 1736 г. близ р. Лены: *«каждый нес за спиной глиняный горшок, отделанный сверху берестой, в котором лежали дымящиеся ветки, так что издали они походили на “кучу движущихся дымовых труб”»* [Белковец, 1990, с. 117–118]. Обращаю особое внимание, что аналогичный способ борьбы с кровососущими насекомыми охотовед В.В. Васильев описал в 1920-е гг. у эвенков демьянского-туртаского междуречья и подчеркнул его высокую пожароопасность: *«кочуя по урману, они таскают с собой, как дымокур, для личной защиты от “гнуса”, тлеющие еловые головни. Совершенно очевидно, что на ходу, при обилии сыплющихся искр от головни, в сухое лето пожары неизбежны»* [1929, с. 33]. Имеется целый ряд сообщений с разных мест, что эвенки поджигают леса случайно либо намеренно. Этнограф К. Доннер (Енисейская губерния, 1910-е гг.) пишет, как встретил группу тунгусов, которые скрывались от местных самоедов, *«жаждущих мести за сожженные леса и нарушение права охоты»* [2008, с. 58]. Председатель Комитета Севера А.Г. Смидович извещает о конфликте эвенков Подкаменной Тунгуски с ангарскими крестьянами, жестоко разорявшими и вытеснявшими коренных таежников в 1920-е гг.: *«Откочевывая на север, вглубь лесов и гор, тунгусы сознательно выжигают леса, чтобы положить предел продвижению русских»* [1929, с. 266]. Сходный случай описывается в книге С. Пайна у дальневосточных эвенков: *«В 1932 г. в отместку за отобранные земли, доставшиеся им от предков, эвенки устроили жесточайший пожар недалеко от нового поселка Комсомольск. Спустя 60 лет земля на 50 км вокруг по-прежнему оставалась безлесной»* [Руне, 1949, р. 300]. Подобные примеры можно без труда продолжить.

Безусловно, сообщения могли отчасти сгущать краски, и в реальности ситуация с пожарной безопасностью применительно к эвенкам не была столь вопиющей. Не подлежит сомнению, что представители этой этнической общности хорошо понимали опасные последствия пожаров и имели свой набор надежных правил обращения с огнем (см., напр.: [Брандишаускас, 2016, с. 114–117]). В 1920-е гг. по этому поводу в защиту эвенков пылко вступился специалист по охоте В. Зиссер. Ссыла-

ясь на свой личный опыт кочевий с бродячими тунгусами южной Якутии, он писал, что «более осторожного обращения с огнем требовать трудно. Абсолютно не бывает случая, чтобы тунгус, уходя, не залил огонь, а зимой не забросал бы его снегом». Даже нарочно брошенные автором потушенные папиросы эвенки, будь это взрослые или дети, всегда тут же тушили [Зиссер, 1929, с. 17–18]. Встречаются сообщения, что в Якутии эвенки-оленоводы сами неоднократно становились пострадавшей от чужих пожаров стороной. Весенние палы на лугах, устраивавшиеся русскими и якутами, подчас приводили к уничтожению обширных таежных ягельников [Там же; Тураев, 2009, с. 91].

Тем не менее в данной ситуации, что называется, нет дыма без огня. Об этом говорит и обилие примеров, и высокий авторитет ряда упомянутых авторов, и приводимые ими подробности. Эвенки в обращении с огнем, в сравнении с другими этническими группами Западной Сибири, явно выделялись большей свободой, которая, как можно было убедиться на примере ненцев, в целом более типична для кочевых коллективов, независимо от того, тундровые они или таежные.

Заключение

В завершение отмечу несколько ключевых моментов. Намеренное выжигание местности в хозяйственных целях, приводящее к заметным изменениям ландшафта,— далеко не общая практика охотничье-рыболовецких и кочевых скотоводческих коллективов. Более того, осознанное пользование выгодными последствиями естественных пожаров, находящееся, казалось бы, в одном шаге от намеренного выжигания угодий, не является гарантией того, что этот шаг будет совершен группой в обозримом будущем.

Среди северных народов Западной Сибири хорошо выделяются коллективы, более свободно обращающиеся с огнем, и те, чьи действия в данной сфере довольно жестко регламентированы традиционными правилами и мировоззренческими установками. К категории первых относятся прежде всего эвенки, противоположный полюс представляют обские угры и селькупы. Тундровые и лесные ненцы, на мой взгляд, сочетают в своей культуре черты обеих указанных групп. Это позволяет выдвинуть версию, что относительно более вольное обращение с огнем — вообще типичная черта кочевого населения.

Вполне возможно, что на двух западно-сибирских территориях, в верховьях р. Таз и между речье Демьянки и Туртаса, эвенкийские переселенцы в XIX — начале XX в. практиковали намеренное выжигание местности для того, чтобы повысить производительность своего оленеводства и охоты. Чрезвычайно интересным ареалом является бассейн р. Конды, где систематическим пусканием палов на протяжении почти 100 лет занимались местные ханты и манси. Главной целью этого было повышение урожайности местных брусничников. Практика выжигания угодий была явно заимствованной, и она непосредственно связана с товаризацией хозяйства населения. Новый способ применения огня, вероятно, восприняли от соседних сибирских татар, и он подразумевал значительное изменение самой парадигмы традиционных взаимоотношений с природой, принципиально расширяя границы допустимого воздействия человека на естественную среду обитания. Кроме прочего, пример Конды показывает, что далеко не всегда рубежи распространения традиции использования огня совпадают с этническими границами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. 152. Оп. 40. Д. 332.
ПМ Адаева В.Н., Коңдинский р-н ХМАО, 2003.
ПМ Адаева В.Н., Приуральский р-н ЯНАО, 2016.

Литература

- Адаев В.Н. Опыт преобразования ландшафта у народов Севера Западной Сибири (на примере гидротехнических работ) // Экологическая история Сибирского Севера: Перспективные направления исследований. Сургут: РИО СурГПУ, 2015. С. 52–63.
Белковец Л.П. Иоганн Георг Гмелин: 1709–1755. М.: Наука, 1990. 144 с.
Брандишаускас Д. Локальное энвайронментальное знание: Экологическое использование и символизм огня у оленеводов и охотников эвенков-орочон Забайкалья // В.Н. Давыдов, В.В. Симонова, Т.Ю. Сем, Д. Брандишаускас. Огонь, вода, ветер и камень в эвенкийских ландшафтах: Отношения человека и природы в Байкальской Сибири. СПб.: МАЭ РАН, 2016. С. 98–128.
Васильев В.В. Река Демьянка: Эконом.-этногр. очерк. Тобольск: Тоб. Гостипография, 1929. 36 с.
Городков Б.Н. Оленьи пастбища на севере Уральской области // Урал. 1926. № 8. С. 1–12.

Дым над тайгой и тундрой: огонь в культуре северных народов Западной Сибири...

- Доннер К. У самоедов в Сибири. Томск: Ветер, 2008. 276 с.
- Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север: Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. Тобольск: Губернская типография, 1910. Т. 2. 412 с.
- Зиссер В. О причинах возникновения лесных пожаров // Охотник и рыбак Сибири. 1929. № 4. С. 17–18.
- Иплинич И.В. Отчет о работах по исследованию бассейна р. Б. Туртаски и ее притоков. Тобольск: Тип. епархиального братства, 1901. 56 с.
- Куклин С.А. В верховьях рек Конды и Северной Сосьвы: (По материалам В.В. Васильева) // Урал. охотник. 1927. № 3. С. 19–25.
- Патканов С.К. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии. Тюмень: Мандр и к^а, 2003. Ч. 3. 336 с.
- Пирожников Г.А. Обь-Иртышский Север: Этнографический очерк // Такой далекий и такой близкий Обь-Иртышский Север. Сургут, 2002. С. 89–191.
- Смидович П.Г. На четвертом году // Сов. Север: Сб. ст. М.: Комитет Севера, 1929. С. 258–271.
- Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М.: Наука, 1985. 284 с.
- Тураев В.А. Этническая история дальневосточных эвенков (XVII–XIX вв.) // Вестник ДВО РАН. 2009. № 5. С. 90–102.
- Anderson M.K. Prehistoric anthropogenic wildland burning by hunter-gatherer societies in the temperate regions: A net source, sink, or neutral to the global carbon budget? // Chemosphere. 1994. Vol. 29. № 5. P. 913–934.
- Brandišauskas D. Symbolism and ecological uses of fire among Orochen-Evenki // Sibirica. 2007. № 6. P. 95–119.
- Caseldine C., Hatton J. The development of high moorland on Dartmoor: fire and the influence of Mesolithic activity on vegetation change // Climate change and human impact on the landscape. L.: Chapman and Hall, 1993. P. 119–131.
- Daniau A.-L., d'Errico F., Sanchez Goni M.F. Testing the hypothesis of fire use for ecosystem management by Neanderthal and Upper Palaeolithic modern human populations // Plos one. 2010. Vol. 5. Iss. 2. P. 1–10.
- Granström A., Niklasson M. Potentials and limitations for human control over historic fire regimes in the boreal forest // Philosophical transactions of the Royal society. Biol. Sciences. 2008. Vol. 363. Iss. 1501. P. 2353–2358.
- Innes J., Blackford J., Simmons I. Woodland disturbance and possible land-use regimes during the Late Mesolithic in the English uplands: Pollen, charcoal and non-pollen palynomorph evidence from Bluewath Beck, North York Moors, UK // Vegetation History and Archaeobotany. 2010. № 19. P. 439–452.
- Jones R. Fire-stick farming // Austral. Natural History. 1969. Vol. 16. № 7. P. 224–228.
- Kull C.A. Landscapes of fire: Origins, politics and questions // Handbook of landscape archaeology. L.; N. Y.: Routledge, 2016. P. 424–429.
- Lewis H.T. Patterns of Indian burning in California: Ecology and ethnohistory // Before the wilderness: Native Californians as environmental managers. Menlo Park: Ballena Press, 1993. P. 55–116.
- Mellars P. Fire ecology, animal populations and man: A study of some ecological relationships in prehistory // Proceedings of the Prehistoric Society. 1976. Vol. 42. P. 15–45.
- Pyne S.J. Vestal fire: An environmental history, told through fire, of Europe and Europe's encounter with the World. Seattle; L.: University of Washington Press, 1949. 658 p.
- Pyne S.J. Fire: Nature and culture. London: Reaktion Books, 2012. 208 p.
- Sauer C. Sixteenth century North America: The land and the people as seen by the Europeans. Berkeley: University of California press, 1971. 320 p.
- Stewart O.C. Fire as the first great force employed by man // Man's role in changing the face of the Earth. Chicago: University of Chicago Press, 1956. P. 115–133
- Tindale N.B. Ecology of primitive aboriginal man in Australia // Biogeography and ecology in Australia. Den Haag, 1959. P. 36–51.

V.N. Adaev

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625003, Russian Federation
E-mail: whitebird4@yandex.ru

SMOKE OVER TAIGA AND TUNDRA: FIRE IN THE CULTURE OF NORTHERN PEOPLES OF WESTERN SIBERIA AS A MEANS OF ENVIRONMENTAL MANAGEMENT

The article describes burning practices used by native northern hunters-gatherers and reindeer herders of Western Siberia as a potential factor of impact on surrounding landscapes. In this sense, the research focuses primarily on aspects of practical importance in the fields of cultural ecology and ethnoarchaeology. Controlled burning of grass, shrubs, and deadwood has been a very effective landscape management tool, though not a common practice among northern natives of Western Siberia. It helped certain groups restore the productivity of berry bushes, attract wild ungulates and create better conditions for reindeer herding and travelling, as well as protect the territory from devastating forest fires. There are some Western Siberian ethnic groups which traditionally have had more freedom in the use of fire (Evenks) and others whose actions in this field have been

rather rigidly regulated by traditional rules and beliefs (Ob Ugrians and Selkups). The Tundra and Forest Nenets probably combined their culture features with both of the mentioned groups. This allows us to suggest a version that a relatively freer use of fire is generally a typical feature of the nomadic population. Several areas were discovered in Western Siberia, where the peoples of the North had practiced intentional burning (or supposedly could do it) in order to obtain additional economic benefit from their lands — the Konda river valley, the Upper Taz river area and the interfluvium of the Demyanka and the Turtas. The local Khanty and Mansi groups of the Konda river valley adopted this use of fire from the neighbouring Siberian Tatars or Russians in 1860–70s. Simultaneously, it was also a real paradigm shift in the spheres of traditional beliefs and land use practices of the Ob-Ugrian communities. The last two areas mentioned were associated with local groups of Evenks, the people who were brought into disrepute in Siberia and the Far East as arsonists of the taiga. As ethnographic data shows, on the one hand, that was a prejudiced opinion, on the other hand, there were factors that contributed to its formation.

Key words: Siberian ethnography, human-modified landscapes, ethnic land-use practice, cultural ecology, ethnoarchaeology, indigenous knowledge.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-41-2-138-147

REFERENCES

- Adaev V.N., 2015. Opyt preobrazovaniia landshafta u narodov Severa Zapadnoi Sibiri (na primere gidrotekhnicheskikh rabot) [Experience of landscape management of the indigenous peoples of the North of Western Siberia (based on the example of hydrotechnical works)]. *Ekologicheskaya istoriya Sibirskogo Severa: Perspektivnye napravleniya issledovaniy*, Surgut: RIO SurGPU, pp. 52–63.
- Anderson M.K., 1994. Prehistoric anthropogenic wildland burning by hunter-gatherer societies in the temperate regions: A net source, sink, or neutral to the global carbon budget? *Chemosphere*, vol. 29, no. 5, pp. 913–934.
- Belkovets L.P., 1990. *Iogann Georg Gmelin: 1709–1755* [Johann Georg Gmelin: 1709–1755], Moscow: Nauka, 144 p.
- Brandišauskas D., 2007. Symbolism and ecological uses of fire among Orochen-Evenki. *Sibirica*, no. 6, pp. 95–119.
- Brandišauskas D., 2016. Lokal'noe envaironmental'noe znanie: Ekologicheskoe ispol'zovanie i simvolizm ognia u olenevodov i okhotnikov evenkov-orochon Zabaikal'ia [Local environmental knowledge: ecological use and symbolism of fire among reindeer herders and hunters of Evenki-Orochen of Transbaikalia]. V.N. Davydov, V.V. Simonova, T.Iu. Sem, D. Brandišauskas. *Ogon', voda, veter i kamen' v evenkiiskikh landshaftakh. Otnosheniya cheloveka i prirody v Baikalskoi Sibiri*, St. Petersburg: MAE RAN, pp. 98–128.
- Caseldine C., Hatton J., 1993. The development of high moorland on Dartmoor: Fire and the influence of Mesolithic activity on vegetation change. *Climate change and human impact on the landscape*, London: Chapman and Hall, pp. 119–131.
- Daniau A.-L., d'Errico F., Sanchez Goni M.F., 2010. Testing the hypothesis of fire use for ecosystem management by Neanderthal and Upper Palaeolithic modern human populations. *Plos one*, vol. 5, Iss. 2, pp. 1–10.
- Donner K., 2008. U samoedov v Sibiri [Among the Samoyeds in Siberia], Tomsk: Veter, 276 p.
- Dunin-Gorkavich A.A., 1910. Tobol'skii Sever. Vol. 2: Geograficheskoe i statistiko-ekonomicheskoe opisanie strany po odel'nym geograficheskim raionam [Tobolsk North. Vol. 2. Geographic and statistical-economic description of certain regions], Tobolsk: Gubernskaia tipografiia, 412 p.
- Gorodkov B.N., 1926. Olen'i pastbishcha na severe Ural'skoi oblasti [Reindeer pastures in the North of the Ural region]. *Ural*, no. 8, pp. 1–12.
- Granström A., Niklasson M., 2008. Potentials and limitations for human control over historic fire regimes in the boreal forest. *Philosophical transactions of the Royal society. Biological Sciences*, vol. 363, iss. 1501, pp. 2353–2358.
- Illinich I.V., 1901. *Otchet o rabotakh po issledovaniu basseina r. B. Turtaski i ee pritokov* [Report on the work of the study of the Bolshaya Turtaska river and its tributaries], Tobolsk: Tipografiia eparkhial'nogo bratstva, 56 p.
- Innes J., Blackford J., Simmons I., 2010. Woodland disturbance and possible land-use regimes during the Late Mesolithic in the English uplands: pollen, charcoal and non-pollen palynomorph evidence from Bluewath Beck, North York Moors, UK. *Vegetation History and Archaeobotany*, no. 19, pp. 439–452.
- Jones R., 1969. Fire-stick farming. *Australian Natural History*, vol. 16, no. 7, pp. 224–228.
- Kuklin S.A., 1927. V verkhov'iakh rek Kondy i Severnoi Sos'vy: (Po materialam V.V. Vasil'eva) [In the upper reaches of the Konda and the Severnaya Sosva rivers: (Based on the materials by V.V. Vasiliev)]. *Ural'skii okhotnik*, no. 3, pp. 19–25.
- Kull C.A., 2016. Landscapes of fire: Origins, politics and questions. *Handbook of landscape archaeology*, London; New York: Routledge, pp. 424–429.
- Lewis H.T., 1993. Patterns of Indian burning in California: Ecology and ethnohistory. *Before the wilderness: Native Californians as environmental managers*, Menlo Park: Ballena Press, pp. 55–116.
- Mellars P., 1976. Fire ecology, animal populations and man: A study of some ecological relationships in prehistory. *Proceedings of the Prehistoric Society*, vol. 42, pp. 15–45.
- Patkanov S.K., 2003. Ekonomicheskii byt gosudarstvennykh krest'ian i inorodtsev Tobol'skogo okruga Tobol'skoi gubernii [Economic life of the state peasants and indigenous dwellers of Tobolsk district of Tobolsk Governorate], part 3, Tyumen: Mandrika, 336 p.

Дым над тайгой и тундрой: огонь в культуре северных народов Западной Сибири...

Pirozhnikov G.A., 2002. Ob'-Irtyskii Sever: Etnograficheskii ocherk [Ob-Irtysk North: Ethnographic essay]. *Takoi dalekii i takoi blizkii Ob'-Irtyskii Sever*, Surgut, pp. 89–191.

Pyne S.J., 1949. *Vestal fire: An environmental history, told through fire, of Europe and Europe's encounter with the World*, Seattle; London: University of Washington Press, 658 p.

Pyne S.J., 2012. *Fire: Nature and culture*, London: Reaktion Books, 208 p.

Sauer C., 1971. *Sixteenth century North America: The land and the people as seen by the Europeans*, Berkeley: University of California press, 320 p.

Smidovich P.G., 1929. Na chetvertom godu [In the fourth year]. *Sovetskii Sever*. Sb. st., Moscow: Komitet Severa, pp. 258–271.

Stewart O.C., 1956. Fire as the first great force employed by man. *Man's role in changing the face of the Earth*, Chicago: University of Chicago Press, pp. 115–133.

Tindale N.B., 1959. Ecology of primitive aboriginal man in Australia. *Biogeography and ecology in Australia*, Den Haag, pp. 36–51.

Tugolukov V.A., 1985. *Tungusy (eveny i evenki) Srednei i Zapadnoi Sibiri* [Tunguses (Evens and Evenks) of Central and Western Siberia], Moscow: Nauka, 286 p.

Turaev V.A., 2009. Etnicheskaia istoriia dal'nevostochnykh evenkov (XVII–XIX vv.) [Ethnic history of the Far Eastern Evenks (17th–19th centuries)]. *Vestnik DVO RAN*, no. 5, pp. 90–102.

Vasil'ev V.V., 1929. *Reka Dem'ianka: Ekonomiko-etnograficheskii ocherk* [The Demyanka river: An economic and ethnographic essay], Tobolsk: Tobol'skaia Gostipografiia, 36 p.

Zisser V., 1929. O prichinakh vozniknoveniia lesnykh pozharov [On the causes of forest fires]. *Okhotnik i rybak Sibiri*, no. 4, pp. 17–18.